

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 930 + 94(47) + 314(571)

В.А. ЗВЕРЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА*

д-р ист. наук,
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: sosna232@yandex.ru

В статье характеризуется современный, начавшийся в 1990-х гг., этап научного изучения истории воспроизводства сельского населения Сибири второй половины XIX – начала XX в. Воспроизводство населения автор понимает как комплексный процесс физического и социокультурного возобновления поколений, поэтому в историографический анализ включены труды не только по исторической демографии, но также по социальной истории, этнографии, истории педагогики. В динамике описываются и оцениваются основные итоги изучения условий и факторов, общественных форм и технологического содержания, этапов и результатов воспроизводства в 1861–1917 гг. деревенского населения в территориальных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей. Показано благотворное влияние на историографию темы новаторских в концептуальном отношении и фундаментальных по тематическому охвату трудов демографа А.Г. Вишневого, социального историка Б.Н. Миронова, этнологов М.М. Громько и Н.Л. Пушкаревой, претендующих на общероссийский охват. Делаются выводы о чрезвычайной актуальности историко-демографической проблематики в современных условиях жесткого демографического кризиса в России; о доминировании в сибиреведческой историографии темы представления о начале демографической и социокультурной модернизации сферы воспроизводства населения в регионе вслед за Европейской Россией уже на рубеже XIX–XX вв.; о более существенном, чем представлялось ранее историкам, влиянии на этот процесс религии и церкви. Осуществлена самопрезентация итогов многолетней работы автора статьи по изучению воспроизводства населения в Азиатской России второй половины XIX – начала XX в. Его вдохновляло стремление раскрыть демографические представления, охарактеризовать своеобразное демографическое (брачное, детородное, жизнеохранительное, летальное, миграционное) и социализирующее (воспитание и обучение детей) поведение сибиряков, которое, собственно, и являлось способом закрепления и трансформации как количественных, так и качественных характеристик народонаселения.

Ключевые слова: Сибирь, 1861–1917 гг., историография, сибирская деревня, междисциплинарный подход, историческая демография, воспроизводство населения, демографический переход.

В обстановке дряхлеющего в России уже свыше 20 лет демографического кризиса, сочетающегося с острыми проблемами в сферах социализации подрастающих поколений, обретения гражданами новой общероссийской идентичности, все более широкую поддержку обретает мысль, высказанная еще в елизаветинские времена графом И.П. Шуваловым. Применительно к современности эту мысль – о сбережении народа как национальной идее, необходимой «для спасения» страны, актуализировал в 2005 г. А.И. Солже-

ницын¹. Вклад ученых-историков в общее дело может заключаться в том, чтобы сформировать достоверное знание о состоянии демографической и социокультурной сфер России в прошлом, об этапах и способах их трансформации в катастрофичном для отечественного народонаселения XX столетии, о жизнеспособных элементах сохранившегося исторического наследия и опыте его приведения в соответствие с потребностями времени.

Интересующий автора данной статьи период второй половины XIX – начала XX в. являлся одним из

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00109 «Демографическая история Западной Сибири: конец XIX – начало XXI в.».

¹ Солженицын А.И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. 2005. 11 июня.

судьбоносных в демографической и социокультурной истории страны и, в частности, ее самого обширного региона – Сибири, ее наиболее многочисленной тогда категории населения – крестьянства. Понимая это, ученые создали немало трудов, посвященных различным аспектам воспроизводства деревенского населения в Сибири конца имперского периода. Задачи настоящей статьи заключаются в обобщении опыта, накопленного на современном этапе развития историографии вопроса (в 1991–2013 гг.), выявлении наличной степени изученности аспектов темы в ее комплексной постановке.

Комплексная постановка, в нашем представлении, заключается в следующем. Воспроизводство населения, взятое в совокупности его физической и социокультурной составляющих (естественное и механическое движение населения, социализация подрастающих поколений) – это сложный по структуре объект, требующий для своего изучения координации усилий ученых различной научной специализации, либо реализации междисциплинарного синтеза в духе «новой исторической науки» [1, с. 305–316]. Будучи теоретически мыслимой и остро необходимой, программа междисциплинарного исследования, предложенная нами еще в начале 1990-х гг. и тогда же апробированная применительно к сельскому населению Сибири 1861–1917 гг. (см., напр.: [2; 3]), к сожалению, до сих пор не утвердилась ни на материале иных регионов, ни в общероссийском охвате. На материалах Сибири или ее субрегионов (Западная Сибирь, Алтай, Южное Зауралье и др.), отдельных категорий крестьянства различные аспекты возобновления деревенского населения фактически независимо друг от друга сегодня, как и на предыдущих этапах развития историографии, исследуют историки-демографы, специалисты по социальной истории, исторической этнографии и истории педагогики.

Для изучения тех или иных сторон воспроизводства населения на восточных окраинах Российской империи определяющими являются труды, имеющие общероссийский охват. Невозможно переоценить значение фундаментальных работ А.Г. Вишневецкого и его коллег (см., напр.: [4; 5]), а также Б.Н. Миронова (см., напр.: [6; 7]) по исторической демографии и социальной истории. Это новаторские труды по истории России, включающие анализ социально-демографических процессов в качестве равноценных или даже приоритетных по отношению к прочим аспектам истории общества.

Указанные авторы внесли решающий вклад в укрупнение на почве отечественной науки теории демографической модернизации для объяснения той динамики типа и режима физического воспроизводства населения в России, что наблюдалась с середины XIX в. Ключевым проявлением этой динамики являлся демографический переход – транзикация от традиционных, затратных форм воспроизводства, характерных для аграрных обществ, к экономным модернизированным формам. В России, стране второго «эшелона» демо-

графической модернизации, по мнению Б.Н. Миронова, переход происходил со второй трети XIX в. до 1960-х гг. Процесс начался с западных губерний, населенных протестантами, католиками и иудеями, и постепенно распространился на восток и юг, охватывая крупные, а потом мелкие города, крестьянство губерний промышленной ориентации и, наконец, сельскохозяйственные регионы. А.Г. Вишневецкий разработал другую периодизацию, согласно которой демографический переход стартовал в России на рубеже XIX–XX вв. и завершения своего пока не получил.

Историки-сибиреведы, ориентируясь на опыт зарубежных и «столичных» российских коллег, тоже осваивают проблематику и методологию изучения демографической транзикации в контексте модернизации общества. Впервые применительно к Сибири вопрос о датировке начала демографического перехода и его региональных проявлениях был поставлен в наших работах 1990-х гг. Было выдвинуто положение о том, что в 1860-х – середине 1890-х гг. в зауральской деревне складывались предпосылки демографической модернизации, а на рубеже XIX–XX вв., вслед за Европейской Россией, проявились ранние ее признаки: сокращение общих коэффициентов смертности и уровня младенческой смертности (в среде старожилков), достижение «взрывных» показателей естественного прироста населения, сокращение людности и упрощение структуры крестьянской семьи, рост продолжительности жизни; в социокультурной сфере – стремление вступить в брак «по любви», дать детям-мальчишкам школьное образование, тяготение к услугам научной медицины и т.д. Стартовые проявления транзикации в Сибири были выражены слабее, чем на западе Европейской России, причем в городах они проявились рельефнее, чем в селениях [2, с. 27; 8]. Эти выводы затем нашли подтверждение и развитие применительно к городам и селениям Западной Сибири в трудах А.Н. Сагайдачного (см., напр.: [9]), Ю.М. Гончарова [10], ряда других ученых. Однако их оспорил В.А. Исупов, назвав «бесплодными» признаваемые им попытки перехода к новому типу воспроизводства населения в Западной Сибири до 1942–1943 гг., когда «удалось не только приостановить резкое повышение смертности тылового населения, но и добиться ее сокращения» [11, с. 16]. Историк, тем не менее, вслед за В.Б. Жиромской отмечает прерывистый, «мерцающий» во времени характер демографического перехода в России и ее регионах. Нам представляется, что проблема датировки стартового момента требует дальнейшего обсуждения в контексте разработки внутренне непротиворечивой теории демографической трансформации Азиатской России на протяжении последних полутора веков.

Достижению этой цели будет способствовать тот факт, что в постсоветский период ученые уточняют или пересматривают многие сложившиеся ранее в науке представления: о масштабах и роли механического притока переселенцев и естественного прироста населения на востоке страны [12; 13, с. 18–20], поселенчес-

ких и субрегиональных масштабах демографического развития [14, с. 18–21, 38–40, 55–57, 67–69, 89–94; 15; 16], особенностях социально-демографической истории коренных народов Сибири [17], роли политического фактора в трансформации народонаселения России и Сибири [18; 19] и пр. Накапливается опыт использования современных подходов при исследовании новых сложных проблем. Речь идет об особенностях демографического поведения переселенцев на местах выхода к западу от Урала и в Сибири [20], роли женщин в аграрных миграциях на восток страны [21], календарном распределении демографических событий в регионе [22], об экономическом, демографическом и социокультурном строе деревенской семьи и семейного двора – важнейших ячеек и физического, и социального воспроизводства населения [23; 24; 25]. На рубеже 1990–2000-х гг. появились работы, претендующие на роль этапных в деле изучения социально-демографического развития деревни и города Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.

В качестве этапных задумывались труды А.Н. Сагайдачного, в 2000 г. защитившего докторскую диссертацию и издавшего монографию по обсуждаемой теме [26]. Сильная сторона этих штудий – привлечение большого массива метрических церковных книг и первичных бланков Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., что расширяет возможности историко-демографических исследований (прежде они велись в основном на базе вторичных статистических данных). Историк составил и проанализировал реляционные электронные базы данных о совокупности демографических событий и состояний за полвека – с 1863 по 1914 г. Однако значение трудов А.Н. Сагайдачного оказалось ослабленным по ряду причин: а) автор пренебрег многими работами предшественников, ряд его выводов, по существу, продублировал уже имевшиеся в литературе положения; б) не обоснован выбор для анализа нескольких селений Тарского и Змеиногорского округов (уездов), поэтому выводы нельзя распространить на сельское население всей Западной Сибири; в) неоправданным оказался подход, при котором демографические аспекты процесса воспроизводства населения рассматриваются только на базе первичных источников. Думается, что в истории наиболее продуктивным является комплексное использование любых доступных источников.

Работой действительно обобщающего характера можно признать монографию В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова, подводящую итоги серии работ этих авторов по городской истории Западной Сибири конца имперского периода. Демография городов по большинству позиций здесь сопоставлена с деревенскими реалиями, ранее выявленными, в частности, автором данной статьи [27, с. 67–101].

В исторической этнографии на современном этапе проявляется живой интерес к ряду сюжетов, имеющих прямое отношение к интересующей нас теме. Некоторые из этих сюжетов получили определенную

разработку в предшествующие периоды развития историографии, иные же были только намечены для изучения в периоды «оттепели» и «перестройки».

В обобщающем труде по этнографии русского народа, впервые изданном в 1997 г., подведены итоги изучения в досоветскую, советскую и частично постсоветскую эпохи широкого круга вопросов, касающихся развития семьи как социальной ячейки, семейного и общественного быта, духовной культуры и народных знаний, традиционной народно-медицинской практики (см. [28, гл. 12–18]). Авторы соответствующих глав – В.А. Александров, А.В. Буганов, И.В. Власова, М.М. Громько и другие – интегрировали в свои тексты некоторую часть фактического и теоретического материала о соответствующих сторонах социальной и культурной жизни русских крестьян Сибири, взятого из исследований этнографов-сибиреведов и относящегося, в частности, к концу имперского периода.

Оценивая труды этнографов, имеющие программный или монографический характер, отметим появление относительно новых стратегий изучения крестьянской семьи и иных сельских сообществ в России. Н.Л. Пушкарева в этносоциальном ключе и в духе гендерного подхода выявляет роль матери и специфику социализации мальчиков и девочек в традиционной русской крестьянской семье [29; 30]. М.М. Громько инициировала и возглавила изучение роли религии и православной церкви в народном быту и, в частности, в регулировании брачной и семейной жизни, в деле социализации подрастающих поколений. Представители соответствующего научного направления работают по единой программе, строят сбор и анализ историко-этнографических материалов по схеме: православный канон – церковная практика – народный обычай (см., напр.: [31; 32; 33]). Следует приветствовать стремление восполнить огромный пробел в изучении нравственных основ культуры и образа жизни народа, который образовался за годы советской власти в результате запрета на все, что связано с религией. Однако, как нам представляется, позиция «воцерковленного ученого» несет в себе и опасность переоценки глубины знания крестьянством православного канона и стремления строго придерживаться его в повседневной жизни. Обе названные стратегии реализуются пока в основном на материалах Европейской России, с привлечением лишь небольшого круга историографических и источниковедческих работ по Сибири интересующего нас периода.

Расширился круг историко-этнографических работ, выполненных в региональном и локальном разрезе восточных окраин России, посвященных семье и родовым кланам различных категорий крестьянства. Ю.В. Аргудяева, Н.А. Миненко, Е.Ф. Фурсова, Л.В. Явнова и другие исследователи анализируют правовые, структурные, конфессиональные и бытовые характеристики родственных ячеек в деревне, безусловно, влиявшие на их демографическую и социализирующую функции (см., напр.: [34; 35; 36; 37]). Г.В. Любимова впервые рассмотрела сибирское крестьянское сообщество (взя-

тое в календарно-праздничных состояниях) в возрастном разрезе, тоже значимом в деле воспроизводства поколений сельских жителей [38].

Этнографическим студиям, посвященным традиционным формам культуры и быта русских сибиряков, прежде часто недоставало глубокого осмысления той непростой судьбы, которая ждала традицию в условиях начавшейся на рубеже XIX–XX вв. модернизации общества, включавшей формирование личностного начала, секуляризацию культуры и общественного сознания, процессы урбанизации, демографического перехода и пр. К сожалению, этот недостаток проявляется и на современном этапе, хотя происходят и отрядные подвижки. Примером может быть диссертационное исследование Е.А. Коляскиной, защищенное в 2010 г. [39]. Ею выявлено немало изменений образа женщины в представлениях русских Алтая, а также реального положения женщин в обществе и семье, проявившихся в субрегионе во второй половине XIX – первой трети XX в. Распространялись представления о допустимости регулирования рождаемости, о необходимости ограничить участие беременных женщин в тяжелом труде, либерализовалось сексуальное и брачное поведение, ослабевал стереотип этнокультурной эндогамии и т. д. Фиксируя такие инновации, диссертантка в то же время считает, что весь исследуемый период – это «время относительно стабильного функционирования традиционной (доиндустриальной) культуры у русских, проживавших в сельской местности» Алтая [39, с. 8]. Нам же представляется, что более адекватная оценка ситуации могла бы выглядеть так: в изучаемую эпоху имела место историческая динамика, появились признаки начального этапа модернизации общества и культуры. Ведь при безусловном доминировании традиции происходили трансформация и частичная дезорганизация гендерных аспектов традиционной картины мира, устоявшихся форм брачного, сексуального, детородного, социализирующего поведения.

К этнографической проблематике по своему предметному полю примыкают *этнопедагогика* и *история семейной педагогики*. В теоретическом плане эти направления в 1990–2010-х гг. получили ускорение через издание серии учебных пособий по народной педагогике (авторы – Г.Н. Волков, И.С. Кон, Л.Н. Бережнова с соавторами, Г.В. Недзелковская), отразивших современное представление об объекте изучения этой субдисциплины, предлагающих начинающим ученым ее исследовательский инструментарий. В трудах Т.И. Березиной в центре внимания находится трудовое воспитание крестьянских детей в Сибири конца имперского периода, в общем виде рассматриваются и иные направления семейной социализации (см., напр.: [40]). В результате получила развитие характеристика объективных социально-экономических и субъективных (коренящихся в картине мира крестьянства) условий протекания процесса трудового воспитания подрастающих поколений, а также конкретных форм их приобщения с педагогической целью к производственным усилиям родительской семьи. Труды Т.И. Березиной

отличает использование письменных источников разного вида; учет социальной дифференциации крестьянства на рубеже XIX–XX вв., сказывавшейся и на целях, средствах, способах, результатах воспитания детей; стремление смоделировать использование традиционных народных знаний и опыта в практике организации жизни современной школы.

В новейшей сибирской историографии развиваются и некоторые другие направления, полезные для разработки интересующей нас темы. Назовем историю медицинской и санитарно-гигиенической культуры народа [41; 42], которая определяла важные характеристики режима воспроизводства населения (заболеваемость, смертность, продолжительность жизни). Отметим также историю начального образования и культуры чтения (см., напр.: [43; 44, с. 158–169, 237–247; 45]), ведь школа и книга в изучаемый период становились важными инновационными средствами социализации детей и молодежи. Актуальным представляется, кроме того, изучение ментальности, общественного самосознания, региональной идентичности сибиряков (см., напр.: [46]), потому что содержание этих сфер выступало и мощным фактором воспроизводства сельского населения, и одним из его средств, и индикатором его результативности.

Реализуя междисциплинарный подход, автор настоящей статьи в 1990-х – начале 2010-х гг. стремился внести посильный вклад в изучение процесса возобновления сельского населения Сибири в конце имперского периода. Осуществлялась теоретико-методологическая «отладка» инструментария исследовательских усилий. В 1992 г. автором защищена докторская диссертация, ее положения были опубликованы в научной монографии. Серия трудов посвящена характеристике условий и факторов воспроизводственного процесса, а также его организационных форм, главной из которых являлось демографическое и социализирующее поведение брачной пары, крестьянской семьи, сельского сообщества. Охарактеризованы ключевые параметры естественного и механического движения сельского населения, с дифференциацией его по ряду социальных категорий и в сравнении с городским населением по всем регионам Азиатской России. Основной материал наших студий по рассматриваемой тематике вошел в подготовленную к печати монографию. Она призвана подвести промежуточные итоги многолетней работы автора и его многочисленных коллег по изучению демографической и большого сегмента социокультурной истории русского села.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
2. Зверев В.А. Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.
3. Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993.
4. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

5. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
7. Миронов Б.Н. Историческая социология России: учеб. пособие. СПб., 2009.
8. Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153.
9. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000.
10. Гончаров Ю.М. Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2009. С. 109–121.
11. Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–16.
12. Пронин В.И. Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 102–104.
13. Миграции населения Азиатской России, конец XIX – начало XXI в. Новосибирск, 2011.
14. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.
15. Свищев П.А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1997. Вып. 20. С. 193–219.
16. Зверев В.А. Старт модернизации: демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72.
17. Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.). Улан-Удэ, 2001.
18. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 84–101.
19. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Новосибирск, 2000.
20. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.
21. Нагорная М.А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012.
22. Зверев В.А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2008. С. 96–112.
23. Зверев В.А., Ильиных В.А., Мамсик Т.С. Крестьянское хозяйство (двор) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 199–202.
24. Семья крестьянская / В.А. Зверев, В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, Т.С. Мамсик // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 61–65.
25. Зверев В.А. Семейно-дворовый строй в селениях Западной Сибири конца XIX в.: демографический аспект // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2010. Вып. 1. С. 76–94.
26. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.
27. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. 2-е изд., доп. Барнаул, 2007.
28. Русские. М., 2005.
29. Пушкарева Н.Л. Мать и дитя в русской традиционной культуре (X–XIX вв.). М., 2003.
30. Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. С. 4–27.
31. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
32. Православие в народной жизни: программа сбора полевого этнографического материала. М., 2000.
33. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этнографических исследований. М., 2001.
34. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX – начало XX в.). М., 1997.
35. Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Право и обычай в крестьянской семье: (Урал и Сибирь в XVIII–XIX вв.). Челябинск, 1998.
36. Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской обл. (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002.
37. Явнова Л.А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
38. Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири, XIX – начало XX в. Новосибирск, 2004.
39. Коляскина Е.А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.
40. Березина Т.И. Педагогическая культура русского сибирского крестьянства (1861–1917). Новосибирск, 1998.
41. Волохина И.В. Народная медицина русских Омского Прииртышья (конец XIX – XX в.). Новосибирск, 2005.
42. Караваева Е.В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.
43. Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 2013.
44. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1.
45. Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2012.
46. Андросов Б.Е. Традиционное самосознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в. Красноярск, 2004.

Статья поступила
в редакцию 04.04.2014